

Подписывайтесь на
наши социальные сети.
И добро пожаловать
в мир поэтических грёз

L'AIR ET LES SONGES

Gaston Bachelard

Грёзы о воздухе

Гастон Башляр

Перевод с французского Бориса Скуратова

Издательство АСТ
Москва

УДК 82.09
ББК 83.3(0)
Б33

Gaston Bachelard
L'AIR ET LES SONGES

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Печатается с разрешения Les Editions Corti
All rights reserved

Башляр, Гастон.

Б33 Грёзы о воздухе. Опыт о воображении движения /
Гастон Башляр ; [перевод с французского Б. М. Скуратова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. —
(Слово современной философии).

ISBN 978-5-17-151829-5

Воздух — это одна из самых динамических стихий, которую мы ощущаем только в ее движении. Эта книга посвящена стихии воздуха и ее отображению в литературе. Гастон Башляр анализирует творчество Фридриха Ницше, Райнера Марии Рильке, Уильяма Блейка, Перси Шелли и других писателей и поэтов, препарирруя явленные и скрытые образы, разбирая метафоры, предлагая неожиданные истолкования. По мнению французского философа, поэтический образ следует не понимать, а переживать, он сам есть действительность и не может сводиться ни к чему иному.

УДК 82.09
ББК 83.3(0)

© Editions Corti, 1942, 1943, 1948, 1947
© Б. М. Скуратов (наследники), перевод, 2023
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-151829-5

СОДЕРЖАНИЕ

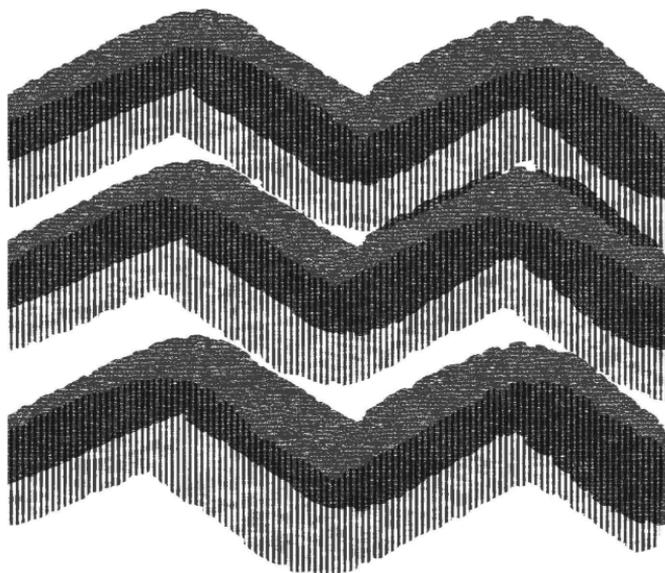
ВВЕДЕНИЕ.....	9
Воображение и подвижность	
ГЛАВА 1. Греза полета	35
ГЛАВА 2. Поэтика крыльев	103
ГЛАВА 3. Воображаемое падение	141
ГЛАВА 4. Труды Робера Дезуайля	171
ГЛАВА 5. Ницше и асцензиональная психика	195
ГЛАВА 6. Голубое небо	247
ГЛАВА 7. Созвездия	269
ГЛАВА 8. Облака	285
ГЛАВА 9. Туманность	305
ГЛАВА 10. Воздушное дерево	315
ГЛАВА 11. Ветер	351
ГЛАВА 12. Безмолвная декламация	373
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
1. Литературный образ	387
2. Философия кинематическая и философия динамическая	397

Моей дочери

ВВЕДЕНИЕ

Воображение и подвижность

Для философа, желающего познать человека,
основным предметом исследования должны
стать поэты.

*Жозеф Жубер*¹, «Мысли»

¹ Жубер, Жозеф (1754–1824) — франц. моралист. Прожил внешне ничем не примечательную жизнь: был учителем, мировым судьей, затем — инспектором университета. Его «Мысли» получили известность в 1838 г., когда их издал Шатобриан. Полное издание его записных книжек вышло лишь век спустя. Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное. — *Прим. пер.*

I

Подобно множеству психологических проблем, исследования воображения лишь затемняются вводящим в заблуждение светом этимологии. Нам непременно хочется, чтобы воображение было способностью *формирования образов*. А между тем оно скорее является способностью *деформирования* образов, доставляемых восприятием, и в особенности нашей способностью освобождаться от первообразов и *изменять* образы. Если отсутствует изменение образов и неожиданность их сочетаний, то нет и воображения, ибо нет *воображающего действия*. Если *присутствующий* образ не вызывает мыслей об образе *отсутствующем*, если взятый наудачу образ не обуславливает несметного количества отклонений, приводящих к взрыву образов, то воображения опять же нет. Есть восприятие, воспоминание о восприятии, привычные воспоминания, привычка к цвету и формам. Термин, лежащий в основе понятия «воображение», — не *образ*, а *воображаемое*. Значение того или иного образа измеряется протяженностью его *воображаемого* ореола. Благодаря *воображаемому* воображение, по сути своей, *открыто* и *неуловимо*. В человеческой психике оно соответствует самому переживанию *открытости* и *новизны*. Оно определяет человеческую психику больше любой другой способности. Как провозгласил Блейк: «Воображение — не состояние, но само человеческое существование»¹. В правоте этой максимы мы сможем убедиться с боль-

¹ Blake W. Second livre prophétique. Trad. Berger, p. 143. — Прим. авт.

шой легкостью, если — как в этой работе — систематически изучим литературное воображение, воображение выговоренное, то, которое зависит от языка и формирует ткань духовности во времени, а следовательно, «выделяется» из реальности.

И наоборот, образ, отрывающийся от своего *воображаемого* начала и обездвиживающийся в какой-то окончательной форме, мало-помалу обретает черты наличествующего восприятия. И вскоре вместо того, чтобы навевать нам грезы и слова, он начинает побуждать нас к действию. Иначе говоря, образ стабильный и законченный *подрезает* воображению *крылья*. Он отталкивает нас от мечтательного воображения, которое не замыкается ни в одном из образов, в силу чего его можно назвать *воображением без образов* по аналогии с тем, как мы встречаем *мысли без образов*. В своей чудесной жизни воображаемое, несомненно, откладывает образы в осадок, однако оно всегда являет и «другую сторону» образов, оно всегда чуть больше образов. Суть стихотворения — *это стремление к новым образам*. Поэтическое произведение соответствует характеризующей человеческую психику существенной потребности в *новизне*.

Итак, черта, которой пренебрегает занимающаяся лишь *составом образов* психология воображения, есть свойство определяющее, очевидное и общеизвестное: это *подвижность образов*. В сфере воображения, как и в ряде других областей, существует оппозиция между составом и подвижностью образов. А поскольку описывать формы легче, нежели движения, ясно, что психология прежде всего берет на себя первую задачу. Тем не менее важнее вторая. С точки зрения общей психологии, воображение есть по преимуществу тип духовной подвижности, и притом наиболее существенной, яркой и живой. Необходимо, стало быть, систематическое дополнение исследования конкретных образов изучением их подвижности, богатства и жизни.

Такое изучение возможно, ибо подвижность конкретного образа доступна определению. Зачастую она специфична. Следовательно, психология воображения движения должна непосредственно определять подвижность образов. Она должна способствовать вычерчиванию для каждого образа настоящего годографа¹, схемы его кинетики. В данной работе мы и представляем набросок такого анализа.

Мы, стало быть, оставляем без внимания образы, находящиеся в состоянии покоя, уже сложившиеся образы, ставшие точно определенными словами. Мы не будем рассматривать и явно традиционные образы, например, образы цветов, столь обильные в поэтических гербариях. Если им и случается расцветивать литературные описания, то лишь банальными штрихами. Между тем могущество своего воображаемого они утратили. Образы иного типа совершенно новы. Они живут жизнью живого языка. Мы ощущаем их по их действительному лиризму, по тем сокровенным приметам, с помощью которых они возрождают душу и сердце; они — эти литературные образы — наделяют чувство упованием, а нашу решимость стать личностью — какой-то особой энергией; они даже тонизируют нашу жизнь с физической стороны. Содержащая их книга внезапно начинает казаться нам интимным письмом. В нашей жизни они играют значительную роль. Они витализируют нас. С их помощью речь, слово и литература достигают уровня творческого воображения. Выражаясь в новом образе, мысль обогащается сама и облегчает язык. Бытие становится словом. Слово рождается на психической вершине бытия. В слове раскрывается непосредственное становление человеческой психики.

Но как найти общее мерило этого побуждения к жизни и речи? Сделать это можно не иначе, как непрестанно

¹ Годограф — траектория движущегося тела в евклидовом пространстве.

возобновляя переживание литературных фигур, движущихся образов, согласно совету Ницше, восстанавливая для каждой вещи присущее ей движение, классифицируя и сравнивая несходные типы движения образов, учитывая все богатства тропов, стимулируемых конкретными словами. По поводу любого изумляющего нас образа мы должны задать себе следующие вопросы. Какой языко-творческий порыв пробуждает в нас этот образ? Как мы снимаем этот образ с чересчур устойчивого якоря привычных воспоминаний? Чтобы как следует ощутить активную роль языка в воображении, необходимо отыскивать в связи с каждым словом стремление к инаковости, к двойному смыслу, к метафоричности. Следует произвести обобщение и учесть все виды стремления вырваться за пределы того, что мы видим и говорим, в пользу того, что мы воображаем. Тем самым мы получим шанс вернуть воображению его соблазняющую роль. Посредством воображения мы выходим за рамки обычного течения вещей. Восприятие и воображение столь же антитетичны, как присутствие и отсутствие. «Вообразать» означает «отлучаться» и «устремляться навстречу новой жизни».

II

Зачастую такой отлучке недостает закономерности, а такому порыву — постоянства. Греза не довольствуется тем, что переносит нас к иному, но по-настоящему пережить все встреченные образы мы не можем. Значит, грезовидец движется «без руля и без ветрил».

Настоящему поэту неуловимое воображение удовлетворения не приносит. Он хочет, чтобы воображение стало своего рода *путешествием*. Выходит, каждый поэт должен *пригласить* нас в *путешествие*. Благодаря этому приглашению наша глубинная суть получает едва ощутимый импульс, который потрясает нас и приводит в движение благотворные грезы, грезы поистине динамичные.

Если начальный образ хорошо подобран, он проявляется как побуждение к точно описываемой поэтической грезе, к воображаемой жизни, у которой будут подлинны законы последовательности образов, настоящий витальный смысл. Образы, выстраиваемые в ряды *приглашением к путешествию*, обретут в своей хорошо подобранной последовательности какую-то особую живость, которая позволит нам обозначить *движение воображения* для случаев, пространством изучения которых мы займемся в этой работе. Это движение не будет просто метафорой. Мы переживем его на собственном опыте, и чаще всего — как некое воспарение, как легкость воображения смежных образов, как жажду следовать за чарующей грезой. Прекрасное стихотворение есть род опиума или алкоголя. Это подпитка для нервов. Ему предстоит произвести в нас динамическую индукцию. Глубокому изречению Поля Валери: «Настоящий поэт есть тот, кто вдохновляет» мы попытаемся придать должный плюрализм его смыслов. Поэты огня, воды или земли служат передатчиками иного вдохновения, нежели поэт воздуха.

Вот почему направление *воображаемого путешествия* у разных поэтов весьма несходно. Некоторые поэты ограничиваются тем, что уводят своих читателей в «живописные края». Они стремятся обрести *в ином мире* то, что мы видим вокруг себя каждый день. Обыденную жизнь они нагружают и перегружают красотой. Но не будем презирать этого путешествия в страну реального, которое развлекает столь дешевыми средствами. Высвеченная поэтом реальность обладает, по крайней мере, новизной необычного освещения. Благодаря тому, что поэт открывает нам *мимолетные* нюансы, мы учимся воображать любовью нюанс как *изменение*. Нюансы может замечать только воображение, оно улавливает их *при переходе* от одного цвета к другому. Так, значит, есть еще в этом ветхом мире цветы, которые мы плохо разглядели! И разглядели мы их плохо оттого, что не заметили, как меняются их оттенки.